

**Краски Минаса. Осколок
Осколка**

**ОСКОЛОК
ОСКОЛКА**

РАССКАЗ

ВАГАН КАЗАРЯН

AM.POLITSTURM.COM

2021-02-28

10 мин. на чтение

Публикуем художественное произведение (рассказ) товарища Вагана Казаряна «Краски Минаса. Осколок Осколка». Приятного прочтения!

more

Давно это было: в 80-х. Осенний будний день – облачный, ветреный и сырой – Ереванский музей современного искусства проживал, как всегда, бурно. Нарядные посетители, словно жужжащие пчелки в весеннем саду, устраивались возле цветущих или колючих творений современных художников и скульпторов. А гордые картины и артистичные скульптуры авторитетно молчали, вовсе не замечая ни посетителей с их модными нарядами, ни беззастенчивые прищурившие завистливых копиистов.

Перед одной из картин Минаса стояли два студента-художника. Один, коренастый с загорелым, бритым лицом, был в цветочной рубашке и серых брюках полу-клёш, а другой – высокий, с рыхлыми линиями лица и с близко посаженными глазами, был одет полностью в джинсу. Они очень близко рассматривали картину уже в течение десяти минут. Работнице музея показалось, что студенты хотят сделать копии, потому и рассматривают так внимательно живые, волнующие выпуклости минасовских волшебных красок, за несколько лет еще не полностью разошедшихся. А когда рыхлолицый стал раскладывать этюдник, работница, убедившись в правоте своей догадки, стала медленно передвигаться к окну, не обращая более никакого внимания на них.

Через час рыхлый вышел на улицу, а еще через десять минут вышел коренастый, с двумя этюдниками. Они направились по проспекту в сторону художественно-театрального института.

– Покуришь? — предложил рыхлый, забирая свой этюдник у коренастого.

– Ну, раз уважил, спросил, запаливай.

– Там никто не увидел?

– Даже внимания не обратили.

У перекрестка встретили знакомого.

– Здравствуйте! Куда торопитесь? – насмешливо спросил знакомый, высокий, круглолицый парень, лет двадцати.

– Привет, Айко, – тихо ответил рыхлый. – А ты что тут делаешь?

– У вас в институте были – свободными слушателями. Там у вашего...

– Извини, Айка джан, мы действительно торопимся, — морщинисто улыбаясь перебил коренастый. — Ты не знаешь, где Само?

– Какой Само?

– Ваш однокурсник – из педагогического, – вмешался рыхлый.

- Они в анатомичку поехали, я сейчас тоже поеду.

- Айко джан, если увидишь Само, скажи, что мы вечером, часов в шесть-семь, будем в Комсомольском парке - ладно? - попросил рыхлый. - Пусть покажется - ладно?

- Передам, я все равно их увижу сейчас. Пока! - попрощался круглолицый.

Студенты-художники пошли дальше. Облака чуть рассеялись, к этому времени, стало светлее. Рыхлый снова закурил и обратился к коренастому:

- Давай не пойдем сегодня в институт, пойдем к нам, Эмерсона послушаем - двоюродный брат привез «Операцию мозга».

- Я больше «Дип Парпл» люблю.

- Ты послушай сначала. Это - вещь!

- Давай послушаем. А Парпл у тебя есть?

Так, с разговорами про самую-самую гениальную музыку, за незаметно пролетевшие полчаса они подошли к дому рыхлого. Около дома их настиг хриплый, басистый голос:

- Айвазовский! Ха-ха-ха!

Рыхлый взволнованно оглянулся в сторону беседки, там, на спинках сидений, расположилось несколько человек с семечками. Он, ничего не сказав коренастому, быстро зашагал к беседке.

- Здравствуйте! Извините, не увидел. Здравствуй, Серож джан!

- Привет, азиз. Кто это с тобой?

- Однокурсник.

- Что куришь? Мальборо? Угости братанов.

- Вот, есть несколько штук.

- Где-то целую пачку прячешь, наверно? А? Ха-ха-ха!.. Ладно-ладно... Иди к товарищу, азиз.

- Серож джан, можно у тебя совет спросить? - нерешительно залепетал рыхлый и, получив одобрение, продолжил. — Я проиграл одному парню в секу - немножко вошел в долг: предложил, что вместо последней ставки принесу немножко из минасовских красок - он согласился с этой ставкой. Теперь думаю: а он не может отказаться от красок и захотеть деньги? Просто, мы с ним не уточняли: конкретно какие должны быть краски и сколько. Я отломал кусочек краски от картины Минаса, а он, может, ждет от меня краски в тубиках. Как мне поступить, чтобы не оказаться неправым?

- В принципе, может, конечно, потребовать деньги, если ему не понравятся твои краски. Ты ему должен, а не он тебе. А кто этот Минас, художник что ли?

- Да, это гениальнейший художник, один из величайших художников-колористов современности, да и не только современности, — тут рыхлый, почувствовав, тяжелейшее давление от осознания собственного ничтожества, но, не имея никакого желания менять и облагородить себя,

продолжил шустрить, — да, но ведь и это, и то – краски Минаса, может я...

– Слушай, ара, пердун, приди в себя! Ты кто такой? Хочешь преступной жизнью жить, додик? Ну вот предположим, что ты мне проиграл – ты можешь всучить мне этот кусок краски?

– Ну, что ты говоришь, Серож джан? Я же...

– А кому проиграл-то?

– Он – лох, в педагогическом учится

– Ара, у вас что, все такие, что ли? Ха-ха-ха... Унесли бы картину целиком, это я понимаю, а вы – «кусочек краски Минаса», ха-ха-ха! — подразнил Серож. — А если это такой большой человек, наш армянин, то почему ты портишь его картину? Она же общая? А? Любитель ослицы!

Рыхлый давно уже пожалел, что обратился к этому человеку, и не знал, что ответить, стоял потупившись.

– Ладно, — примирительно сказал Серож, по-дружески хватая за затылок растерянного рыхлого, — если проблемы будут, обращайся, я буду в ресторане, в «Ани». Где будете встречаться?

– В Комсомольском парке. Серож джан, большое спасибо! – осласливился рыхлый. — Если что, то подойдем. Спасибо, я пойду.

– Давай-давай, — забурчал Серож, закуривая угощенным «Мальборо», — слышишь, Айвазовский, принеси отцовских сигар!

Коренастый, пока ждал рыхлого, сидел на камне и разглядывал небо. Древнее небо – над юной землей. А ведь, действительно, оно – глубокое, темное даже днем. Солнце-пламя и другие звезды, они же все существуют, горят – почему же мы не все видим? Если бы увидеть все огни – наверно не осталось бы темноты. Но, черт возьми, — темное небо и днем, и ночью, пусть сейчас оно кажется светлым. А Земля, Армения, Ереван – цвета, которые нужно еще научиться видеть, видеть, как это видел Минас. Эти краски, нужно научиться извлекать из природы, из памяти, из мечты и нарисовать жизнь для всех, новую жизнь, сильную жизнь, пусть это будет твоя жизнь, но будет для всех. А сейчас на сером камне, под серым небом сидит коренастый сын рабочего-ударника и ждет друга, рыхлого сына крепкого начальника, друга, ради которого стоило бесцеремонно ворваться в благородный мир Минаса, и украсть оттуда кусочек краски. Но мир не рухнул, и пока существует этот мир, можно растаскать его на игровой стол.

Уже подходил рыхлый. Коренастый посмотрел на его отчаянную физиономию и подумал: «кража ради друга – это тоже благородно».

– Извини, апер, заставил подождать. Пойдем.

– А кто это был?

– Серож «трехпалый».

– Воровской? – неожиданно брезгливо спросил коренастый.

– Смотрящий, – зашептал рыхлый. – Пошли.

Дома никого не было, кроме аквариумных рыбок, облезлого попугая и стриженного пуделя. Ребята послушали английский рок, сидя на роскошном антикварном диване, выпили маджар из серебряных кубков, кофе – из расписных чашек, и ели сладости из огромной фарфоровой чаши в стиле барокко. Коренастый был очарован. Вот – настоящая красота, «эрмитаж», «лувр», настоящая жизнь, частная жизнь, где, наверняка, найдет свое достойное место любой осколок из общего: будь то кусочек картины Минаса или неучтенная партия кожгалантереи, или «сэкономленный» на общественной стройке цемент и арматура.

– Покажи твои наброски, — попросил коренастый.

– Сейчас покажу, — рыхлый принес толстую пачку бумаг и пергамента, — вот, смотри, тут еще со школьных времен.

Эти наброски доставили коренастому невероятное удовольствие, он любовался их бездарностью, восхищался их посредственностью, умилялся от их трусливости.

– Мне очень понравились твои наброски, — откровенно воскликнул коренастый, — как-нибудь пойдём к нам, я покажу тебе свои.

– Я не люблю классический рисунок, я делаю все в своем стиле...

– Давай анекдот расскажу про стиль, — уже ликующий коренастый деликатно сменил тему начатого рыхлым разговора о стиле и до вечера травил анекдоты один за другим.

Пробило 17 часов. Студентам-художникам, удачно прогулявшим почти все лекции того дня, оставалось как-то «прогулять» еще и вечер. Это было гораздо сложнее. Здесь за не присутствие могли сурово наказать, поэтому студенты были более чем пунктуальны. Скоро встретились с Само и его двумя товарищами, поздоровались друг с другом как полагается. Рыхлый, изобразив на лице смелость женщины, на вытянутой руке показал конвертик и заявил, словно шабашник на сдаче объекта:

– Всё, товарищ, мы в расчете.

– Что это?

– Краска Минаса – как договаривались.

– Это что, кусок краски? Ты что, от картины отколол?

– Естественно!

– Ты что, издеваешься? Краска – это то, чем можно писать или красить. Как ты этой краской покрасишь?

– А зачем красить краской Минаса? Его нужно – под стекло и хранить! Это краска, ты сам признал, она снята с картины Минаса, вот – Ашот, он свидетель, так что все правильно, а как использовать – твое дело.

– Слушай сюда, товарищ, ты мне остался должен сто рублей, я вот это не возьму вместо ста рублей. Два часа – тебе срок, чтобы за это время принес деньги. Не успеешь – долг вырастит в два раза. Всё! Через два часа – здесь! До свидания.

Рыхлый ждал этого и даже не расстроился. Он не знал, как решится этот вопрос, но он был уверен в могучей силе «трехпалого» Серожа. Но в ресторане Серожа еще не было, там сказали, что не видели его. Полчаса уже потеряны. Рыхлый по-настоящему струсил, он судорожно бежал в сторону своего дома – вдруг Серожа еще там? Но и там не было его. Дворовые парни сказали, что он уехал минут тридцать назад, и они не знают куда. Потерян уже целый час! Что делать? Если идти просить о переносе встречи на другое время, то, как это аргументировать?.. Это получится не перенос встречи, а просьба об отсрочке. Нет, это не годится. Что же делать?! Все это время следовавший за рыхлым Ашот, коренастый, предложил выход:

– Давай пойдём и скажем, что мы за эту краску пошли на преступление...

– Да ну, какая тупость, — раздраженно перебил рыхлый, — а он скажет, что если он возьмет у нас эту краску, то это тоже будет преступление.

– Ну, тогда что ты хочешь делать?

– Сейчас я домой быстро сбегая и вернусь, пока папы нет.

Ашот сел на тот же камень, что днем, стал ждать. Рыхлый зашел домой, матери сказал, что очень торопится, что покушает позже, забрался в отцовский тайник, стянул из пачки две сторублевые купюры и выбежал на улицу.

– Пошли, возьмем такси, а то не успеем. У тебя есть рубль на такси?

– Есть, — ответил Ашот, с любопытством наблюдая за метаморфозами, происходящими с его другом. — Ты решил деньги отдать?

– Взял на всякий случай.

Комсомольский парк был полон людей. Друзья встали у главного входа. Скоро подошел Само с шестью-семью ребятами. Неожиданно для всех с блатным жаргоном Ашот предложил отойти подальше от входа в более темное и незаметное для посторонних глаз место. Все отошли. Само плотно подошел к рыхлому, взял его под руку и спросил холодно и тихо:

– Ну, братишка, принес долг?

– Одну минуту! Можно я вмешаюсь в ваш разговор? – снова неожиданно выступил Ашот.

– Со всем уважением, Ашот джан, но ты не вмешивайся, — ответил Само.

– Но ребята, мы все знаем друг друга, относимся с уважением. Почему бы не решить вопрос красиво? Он мой друг, мы с ним вместе ходили доставать эту

краску, украли в музее, а ты, Само джан, говоришь, что передумал! Некрасиво получается!

– Ашот, не вмешивайся, дай поговорить, — раздраженно захрипел рыхлый и повернулся лицом к Само, который, каким-то царапающе-высоким голосом и по-бараньи закатив глаза, крикнул:

– Ты что, молодой человек, не принес деньги?!

– Не разговаривай так со мной, Само джан, деньги у меня, но давай поговорим. Да?

- Мне с тобой не о чем разговаривать. Мы сейчас развернемся и уйдем, а завтра ты должен будешь двести рублей.

- Ну подожди, я же не отказываюсь!

- Чего «подожди», ара?! - грубо вмешался один из друзей Само, толкнув рыхлого в плечо.

- Значит, не отказываешься? - вмешался другой, не дав рыхлому ответить обидчику.

- Не отказываешься - дай, ты чего дешевишь!? - влез третий.

- Ребята, не о чем с ним разговаривать, получим двести рублей, — предложил Само и в упор обратился к рыхлому. - Твой долг - уже двести рублей.

Казалось бы, этот вопрос решился, решился закономерно: жадность и трусость одного человека уступили победу в бою другой жадности и трусости. Но оказалось, рано еще кому-то праздновать победу. Неожиданный громкий свист заставил всех оглянуться. Подошли несколько веселых молодых мужчин и влились в их толпу, по-дружески наваливаясь на плечи рыхлого и еще нескольких парней они запели: «Что за базар, парни?», «О-о, наш художник!», «Здравствуйте, ребята», «Можно мы с вами постоим?».

Все растерялись. На сцену вышел Серож.

- Что случилось?

- Ничего, брат, — заговорил кто-то из друзей Само, — мы беседуем...

- Серож джан, — поторопился ответить спасенный рыхлый, — просто у нас тут непонятки с молодыми людьми.

- Ладно, парни, давайте: у кого с кем есть вопрос, те пошли в машину поговорить, остальные гуляйте или идите по домам, не толпитесь, давайте-давайте, - убедительно распорядился Серож, густо прокашлялся и обратился к своим людям. — Мы с ребятами побеседуем, потом я поеду туда, а вы сейчас подтянитесь.

В машину сели Серож, его шестерка, Само и рыхлый. Отъехали от парка в немногочисленное место. Серож распорядился выйти из машины:

- Давайте, а то сейчас накурим, дышать будет нечем. Как тебя звать, азиз? - с любезным выражением лица, обратился он к Само.

- Само.

- Серож.

- Очень приятно.

- Откуда ты, Само джан?

- Из Массива.

Уточнили, из какого именно массива. Само назвал какие-то имена, Серож их не знал, он сказал, что знает там только какого-то Армена и еще пару человек, в которых Само узнал серьезных криминальных авторитетов и оробел.

- Армен - мой хороший друг. Когда увидишь, передай привет от меня, - всё это было сказано сухо и без единого намёка на улыбку, но вдруг с улыбкой продолжил Серож. — Само джан, вот этот пижон, — он взял за затылок рыхлого и потряс его, — вот этот щенок - сын моего хорошего друга, а ты, как я погляжу, нормальный пацан. Я не буду у него спрашивать, я буду у тебя спрашивать о вашей ссоре. Расскажи.

Серож стал слушать внимательно, изобразив суровую мину. Само рассказал то, что уже знал Серож, и резюмировал:

- О двухстах рублях речи, конечно, нет, но проигрыш, сто рублей, пусть отдает.

- Ара, а я думал, ты серьезный парень, а ты... Этот Минас жив?

Нет, он уже давно скончался

- Как? Значит, ты знал, что он не может у этого Минаса купить краску, например, он может только свистнуть?

- А это что, моя проблема?

- Нет, унести - не твоя проблема. Он унес, теперь, хочешь или не хочешь, но это - твоя краска.

Само держался с достоинством, но спорить с Серожем означало неминуемо потерять это достоинство здесь и сейчас. Однако если он уступит под давлением Серожа, и сделает это красиво, то сам Серож не даст упасть его достоинству. И он оказался прав.

- Серож джан, у меня есть, что сказать.

- Скажи.

- Этот парень из богатой семьи, и когда он предложил краски Минаса, я подумал, что, скорее всего, у них дома имеется то, что он ставит на кон, и что просто унесет из своего дома. Я даже не мог себе представить, что он решит из музея кусочек краски от картины оторвать. Ну, думаю - он или полоумный, или издевается. Кто он такой, чтобы распоряжаться по своему усмотрению и картиной Минаса, которой будут любоваться и наши внуки, и правнуки, и моими деньгами? Решили с ребятами за это его наказать, но, поскольку такой уважаемый человек, как ты, говорит, что я не прав - я спорить не буду.

- Теперь снова вижу, что ты классный парень, - наполненный смешным уважением к Само, Серож взял его под руку и обратился к рыхлому. - Ну, давай, отдавай выигрыш нашего брата!

Рыхлый вручил Само конверт с осколком краски, и они все вернулись в парк. Кроме людей Серожа, все были там. Само вышел из машины, подошел к друзьям, поговорил с ними, попрощался, обнявшись с каждым из них, и вернулся в машину. Серож высунул голову из машины и крикнул:

- Ладно, ребята!

Машина двинулась по направлению к ресторану-гостинице «Ани», где рыхлый будет угощать Серожа, его приятелей и Само. В середине застолья уже достаточно пьяный Серож позовет рыхлого посидеть рядышком и, пустив слезу, скажет:

- Нвер джан, ты молодец, цавд танем! Знаешь, нет, как я тебя люблю?! Хочу к тебе обратиться: ты мне не поможешь? Только между нами. Брат мой сидит, тяжело ему там, здоровья не осталось, а жена и дети нуждаются, я помогаю, как могу, но не хватает возможностей, не могу ни к кому обратиться, ты мне как родной, к тебе обращаюсь. Если не откажешь, не игнорируешь, то помоги людям, считай что мне помогаешь. Как только у тебя будет возможность, дай знать, мы с тобой или грев брату отправим, или семье здесь поможем.

А сейчас у парка стоял Ашот и смотрел вслед уходящему автомобилю, и улыбнулся, вспомнив, что рыхлый даже не попрощался с ним. «Как можно быть таким ослом? – подумал он. — Ну, настоящая ослиная башка».

В «Сундукяне» завершился какой-то прекрасный спектакль, зрители стали медленно выходить из парка. Среди них Ашот заметил одну девушку, красивую, похожую на фарфоровую статуэтку, она сразу восхитила его неискушённый нрав, и он пошел за ней, шел незаметно и робко, шел и влюблялся.

[ВКонтакте](#)

Оригинальная статья